

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Александра Юрьевича Антоновского
«Коммуникация как эпистемологическая проблема: от теории
коммуникативных медиа к социальной философии науки»,
представленную на соискание
ученой степени доктора философских наук
по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания**

Уже из самого названия темы диссертационного исследования следует его междисциплинарность: эпистемологический анализ коммуникации базируется на эволюции теории средств коммуникации навстречу обобщениям социальной философии науки, которая находится в «кровном родстве» с социальной эпистемологией. Этот путь не прост, ибо трудно перейти от узкоспециальных рассмотрений различных частных типов коммуникации к универсальным свойствам коммуникации «как таковой», то есть к категориальному уровню, свойственному именно философии. При переходе приходится расставаться с важной конкретикой, рискуя при этом не приобрести преимуществ, приписываемых философским генерализациям. Однако оставаясь на уровне частных теорий коммуникативных процессов, можно утратить само понятие коммуникации, его эпистемологическую реконструкцию.

Другая трудность состоит в том, что «коммуникация» до сих пор чаще исследовалась социологами и психологами, чем философами-эпистемологами. Поскольку первые внесли в понимание коммуникативных процессов больше содержания, имеющего практическое значение, возник соблазн просто перенести социологический дискурс в ткань философских рассуждений, объявив его философией, вооруженной, по крайней мере, научными методами. Поэтому задача, которую поставил диссертант, является, несомненно, актуальной, а ее возможное решение – перспективным, способствующим нахождению новых путей в эпистемологии.

В этом направлении идут исследования коммуникации как процесса передачи существующей и создания новой информации, как достижение понимания, как следование определенным правилам, обеспечивающим рациональность понимания и принятия решений и т. д. Необходимо также различать коммуникацию как обмен информацией между техническими системами, как процесс декодирования знаковых систем, как процесс личностного общения.

Диссертация А. Ю. Антоновского посвящена анализу именно этих аспектов коммуникации. Он совершает экскурс в историю проблемы, что необходимо для понимания нынешнего состояния исследований в этой области. Развитие этих исследований связывается с так называемым «поворотом к языку» в философии познания, обострившим проблему

аутентичности коммуникации: если язык позволяет закрепить за символами однозначную информацию, передаваемую коммуникативно, то аутентичность зависит только от точности соблюдения правил, по которым осуществляется использование языка; если же значения и смыслы элементов информации зависят от контекста, то есть от условий, в которых протекают коммуникативные процессы, то аутентичность становится также контекстуально-зависимой и, следовательно, переменной характеристикой. Отсюда интерес к логике, семантике и прагматике языка. Но в то же время включаются исследования, сопряженные с философией диалога (интерес к проблемам «эмпатии», «вчувствования», «сопереживания», «со-творения смыслов» и др.), с историческим контекстуализмом (понимание как характеристика диалога, привязанная к культурно-историческому контексту).

Феноменологическая социология рассматривает проблему коммуникации как признание неизбежной временной асимметрии: отправитель коммуникативного сообщения полагает цель последнего в перспективе будущего понимания, тогда как получатель вынужден рассматривать свое понимание как навязываемое ему прошлым опытом отправителя и подчиняться ему. Эта асимметрия преодолевается социологическим функционализмом, для которого успешность коммуникации определена ее соответствием базовым (докоммуникативным) предпосылкам: образцам, на которые ориентируется коммуникативное действие, готовности следовать этим «паттернам» со стороны коммуникантов и признавать ее успешность, если коммуникация, по их мнению, достигла своей цели.

В социальной философии (Ю. Хабермас) коммуникация возводится до универсальной характеристики социальной реальности. Именно в коммуникативных актах рождается особая рациональность, продукт обсуждения и взаимной критики, в значительной мере независимый от медиа, власти и денег. Этим она отличается от функционалистского ее истолкования, в котором упомянутая зависимость играет большую роль.

Конструктивисты сделали акцент на внутреннее строение коммуникации, в значительной мере абстрагировавшись от ее конкретного содержания. Это дало возможность рассматривать структуру коммуникации в ее онтогенезе (Ж. Пиаже). Исследование в духе конструктивизма (Ф. Варела, У. Матурана и др.) переключилось на рефлексивные свойства коммуникации: будучи осуществлена, коммуникация способна самокорректироваться, самоорганизовываться и менять собственную самооценку (автопоэзис).

Современные исследования коммуникации касаются ее историко-культурных, синергетических, эпистемических и этических, а также технологических аспектов. Продолжаются и логико-семантические исследования.

Можно сказать, что исследования коммуникации прошли период дифференциации различных ее аспектов и свойств, что привело к

обособлению дисциплин, в рамках которых велись эти исследования. К тому же была ослаблена собственно философская, прежде всего, эпистемологическая рефлексия, которая «растворилась» в дисциплинарном содержании и перестала быть фундаментальной основой понимания коммуникации. А. Ю. Антоновский ставит задачу углубления этой рефлексии, что, в свою очередь, требует более широкого понимания коммуникации, выводящего за рамки узкоспециальных ее трактовок. Такая задача, по мнению диссертанта, разрешима в социальной эпистемологии, учитывающей урок конструктивизма. Коммуникация в этих рамках рассматривается как форма познания, представляющая собой «наблюдательную активность». Это соединение формы и активности в коммуникации выступает как один из основных тезисов диссертации.

Автор приводит обзор современных трактовок понятия коммуникации как формы познания. Здесь важную роль играет теория (Ф. Хайдер), согласно которой инструменты или медиа-наблюдения – относительно независимые посредники между восприятием и его предметом – выполняют когнитивную функцию, т. е. выступают «заместителями» предмета, наблюдение же и другие познавательные действия направлены именно на них, а не на сам предмет, который как бы ускользает от наблюдения. Эта психологическая теория оказалась эвристичной при переходе к анализу коммуникативных медиа. В условиях, когда большинство коммуникаций совершается при посредстве специальных технологий, последние вытесняют интенции и смыслы, заложенные в сообщениях, заменяя их интерпретациями. При этом адресат коммуникации лишен ресурсов для адекватной смысловой реконструкции этих сообщений. Таким образом, форма передачи информации способна изменить не только саму информацию, но и способы ее восприятия, оценки, эмоционального сопровождения.

В работах Дж. Спенсера-Брауна понятие формы познания получило дальнейшую разработку. Исходя из того, что для познающего субъекта реальность всегда предстает в том виде, какой ей придают формы познания, он не может «прорваться» к ней, не приняв все «дистинкции», какие обеспечиваются этими формами, можно заключить, что познание и есть процесс сравнения форм, в которых оно происходит. В коммуникациях и происходит сравнение форм, в которых заключена исходная информация, с формами, в которых она воспринимается адресатом. И здесь влияние «посредников» неустранимо, а потому должно учитываться адекватной теорией познания.

Проблема усложняется при переходе к анализу «ментальных форм». Диссертант называет два различных доступа к ментальной форме: эпистемический и онтический. При первом доступе знание само устанавливает критерии своей истинности, при втором – эту истинность определяет «внешний мир», в отношении которого должны быть согласованы наблюдения. Отсюда – акцент на познавательной роли коммуникации: в ней должны быть выявлены сходства и различия между

вербальными и ментальными формами (то, *что* люди говорят и *как* они говорят, только относительно соответствует тому, *что* люди думают и *как* они думают).

Выполнение этой роли очевидным образом зависит от исторических форм, принимаемых «посредниками» или медиа коммуникациями. Автор останавливается на переходе от традиционных (архаических) техник распространения коммуникативных сообщений к социальным технологиям. Помимо очевидных преимуществ (скорость распространения, огромный объем информации, возможность репродукции в практически неограниченных масштабах и т.п.), технологии обладают способностью специфическим образом интегрировать или дезинтегрировать социальные системы, пролонгировать существование или, наоборот, ускорять распад определенных коммуникативных групп. К числу таких технологий автор относит язык, который способен автоматизировать коммуникативные процессы, высвободить их из-под ограничений, связанных с взаимовосприятием коммуникантов, наличием ситуативных и условных рамок, и создавать стандартные, а значит контролируемые формы коммуникации. Это можно обобщить, полагая, что язык освобождает коммуникацию от воздействий среды, в которой она происходит. Однако это «освобождение» несет в себе и фундаментальную проблему: языковые структуры «вмещают» в себя бесконечное множество различных коммуникативных смыслов (например, одно и то же выражение, произнесенное в разных условиях, в разных контекстах может пониматься по-разному и вызывать различные реакции адресатов коммуникации). Поскольку устное речевое общение, как правило (за исключением ситуации, когда о чем-то просто нельзя говорить, например, вопрошать о сакральном), не способно к эффективному самоконтролю и снижению рисков, технологией выведения из-под привязки к социальному контексту становится письменность как форма языкового медиума. Письменная коммуникация является условной формой общения (например, когда мы читаем обращения людей, которых уже нет в живых). Благодаря письменности слова и смыслы непосредственно воздействуют друг на друга, а человек выступает (и то не всегда) лишь свидетелем этого воздействия.

В письменной коммуникации отступают на задний план факторы личного участия коммуникантов, а на первый план выходит информация, ради которой, собственно, и осуществляется такого рода коммуникация. Но успех этой коммуникации зависит не от самой по себе информации, а от того, как осуществляется ее отбор. Поэтому если коммуникант заинтересован в успехе, то его главной заботой становится обеспечение такого отбора, который его устраивает.

Письменное сообщение (например, литературный текст) должно в самом себе содержать достаточную мотивацию к сосредоточению на нем адресата, предполагать, что его понимание, а также интерес к нему могут быть распределены во времени, в течение которого они не остаются

неизменными. Это лежит в основе работы СМИ, которые вынуждены непрерывно «подогревать» мотивации и интересы, сохраняя необходимую степень «понятности» и доступности информации, без чего коммуникация заглохнет. При этом практически отсутствует возможность ситуационного контроля над адресатами, и потому вариативность интерпретаций возрастает практически бесконечно с угрозой полной утраты (или искажения) первоначально заложенных в сообщении смыслов. Отсюда требование восстановления порядка, введения ограничителей для возможных интерпретаций.

«Отложенное понимание», т. е. понимание, оформляющееся в будущем, еще больше разрывает коммуникацию во времени и отрывает ее от контекста (от привязки ко времени и конкретной ситуации). Текст как форма письменной коммуникации также лишь отчасти выполняет стабилизирующую функцию, поскольку и он подвержен «размыванию» во множестве интерпретаций, а с появлением телекоммуникаций его значение постоянно падает.

Коммуникация амбивалентна (Н. Луман): с одной стороны, она направлена на сообщение некоторого знания, с другой, заключенная в ней информация направлена на продолжение самой коммуникации, ее цель в том, чтобы сообщить о себе самой. В обоих случаях она направлена на достижение некоторой солидарности ее участников, но в первом – это солидарность, основанная на обмене чьими-то знаниями (информационный тип коммуникации), во втором – на коллективном, изначально известном знании (мотивационно-интеграционный тип коммуникации). Общее здесь то, что коммуникация возможна и осуществляется тогда, когда ее адресатам что-то неизвестно, возможно, из-за того, что передаваемые интегративно значимые смыслы «спрятаны» или засекречены. Если таких ограничений нет, и возникает то, что можно назвать «общим знанием», коммуникация не нужна и это может стать разрушительным фактором для существования человеческих сообществ. В примитивных обществах такими ограничениями являются табу, закрывающие для коммуникативного обмена определенные фрагменты опыта и сегменты внешнего мира. Отсюда «парадокс»: чем больше люди знают друг о друге (вплоть до эмпатии), тем сильнее тенденция к дезинтеграции данного общества.

Существенным признаком современных (телекоммуникативных) систем распространения информации является то, что они «сглаживают», по выражению автора, радикальный разрыв между реальностью человеческой жизни с ее естественными формами общения и искусственной реальностью, создаваемой информационными потоками. По мнению диссертанта, такой разрыв был радикализован как раз письменными формами коммуникации, в то время как электронные массмедиа как будто возвращают коммуникациям эффект непосредственности, живой связи и общения. Благодаря им, люди из «мира книг и печатных текстов» вновь возвращаются в мир речевого

взаимодействия – и даже с эффектом как бы личного пребывания в поле коммуникации. При этом и сама передаваемая информация освобождается от своего «монструозного» текстового облачения и принимает черты устно-речевой формы презентации. Тем самым минимизируются риски, связанные с текстовым отчуждением информации от «живой жизни» и разрушением базисной (по мнению диссертанта) оппозиции «знание-незнание».

Сохраняется ли при «общении» компьютеров та побудительная асимметрия «знания-незнания», которая играет свою роль при коммуникации между людьми? Здесь могут произойти «революционные трансформации» в коммуникации, в которой «закрытость психики утратит свое значение коммуникативного препятствия и по совместительству – ключевого условия возможности коммуникации».

Но и на уровне связи «человек-компьютер» или «человек-телевизор» возникает проблема «видения сквозь чувственную данность» - к глубине информации, стоящей за этой данностью. Поэтому необходима особая совокупность умений (от чисто технических до интерпретативных), позволяющих участнику такого типа коммуникации достигать своих целей и даже ставить их в процессах использования информации машинного происхождения.

Диссертант отмечает, что новые технологии позволяют не обеднить, а напротив, обогатить содержанием коммуникативные процессы. Виртуальная реальность может стать богаче и ценнее обыденной реальности. Но какой ценой это достигается?

Во-первых, реципиент телекоммуникации практически лишён возможности понимать скрытую за сообщением латентную информацию, например, понять, зачем она подносится ему, почему именно эта, а не другая, сейчас, а не в другое время. Он не может встроить информацию в ее контекст. Во-вторых, у него нет четких критериев, по которым он мог бы отклонить коммуникацию, либо они не связаны с самой коммуникацией. В-третьих, интенсивность воздействия телекоммуникации превышает возможности понимания (различения смыслов, связывания смыслов и способов их выражения) самого реципиента, она его подавляет и подчиняет себе. В-четвертых, разрываются внутренние связи участия коммуникантов: то, что отбирается отправителем сообщения, не соответствует тому, что отбирает для себя получатель информации; пересечение отборов становится случайным.

Эти и другие дисфункции вызывают к жизни новые коммуникативные технологии, например, социальные сети. Сетевая коммуникация делает начало коммуникации более естественным и добровольным, вносит в нее интерактивность. Однако и она не преодолевает разрыв единства коммуникации в пространственно-предметном, социальном и временном измерениях. Так, в социальном измерении понимание утрачивает связь с возможностью отклонения коммуникации, в пространственно-предметном измерении размывается предметность обсуждения, а повторение одного и того же через какие-то временные интервалы порицается. Единство

коммуникации распадается и восстанавливается лишь в рамках общественных подсистем: науки, политики, права, хозяйства и др. – благодаря медиа коммуникативного успеха.

Таковыми являются истина и знание. Диссертант полагает принципиальное различие между когнитивными типами общения, ориентированными на истину, и всеми прочими – правом, политикой, религией и т.д. Познание есть особый тип когнитивной коммуникации, его специфика в том, что разочарование в ожиданиях (например, обнаружение ложности каких-то суждений) приводит к формированию новых ожиданий, а не к укреплению старых через противодействие разочарованию (как это бывает, например, в сфере права, когда правонарушения рассматриваются как повод к укреплению правовых норм).

Вслед за Н. Луманом, диссертант полагает, что любая ситуация познания и коммуникации описывается оппозициями «действие-переживание» и «Я-Другой». Из этого следует определенная типология коммуникации и символических медиа коммуникаций. Ее анализ приводит диссертанта к выводу о том, что истина и ценности являются родственными мотивациями или ориентирами коммуникации: они имеют общую функцию – удостоверения общности переживаний «Я» и «Другого». Поэтому истина и ценности не создаются в деятельности, а являются общезначимыми установками коммуникации.

Между истиной и ценностью – отличия. Истины требуют рефлексии и укрепляются благодаря ей, ценности рефлексией разрушаются (например, все согласны, что справедливость – ценность, но рефлексия приводит к тому, что под справедливостью диспутанты понимают каждый свое). Истина и ложь – не ценности, а характеристики суждения, знания.

Понятия истины и знания диссертант рассматривает сквозь призму коммуникативно понимаемого процесса наблюдения. Различаются коммуникативные наблюдения 1-го и 2-го порядка: высказывания наблюдателя 2-го порядка раскрывают скрытый пространственно-временной и личностный контекст истинных высказываний наблюдателя 1-го порядка. Высказывания наблюдателя первого порядка не являются знанием, хотя могут быть истинными. Это разведение истины и знания, совершаемое под влиянием так называемого «парадокса Геттиера», оказывается ключевым для тезиса диссертанта о социальной природе истины. Согласно Геттиеру, обоснованности суждения, субъективной уверенности в нем и его истинности недостаточно для того, чтобы признать его знанием. Одно и то же суждение может принимать различные значения истинности в зависимости от «пространственно-временных» и «личностных» координат ситуации. Поэтому к трем признакам знания нужно добавить четвертый: необходимое знание о том, что знают другие. Истинное знание и знание истины не совпадают. Принятие некоторого истинного высказывания в статусе знания требует учета пространственно-временного и личностного контекстов (Д. Дэвидсон, Х. Харман).

Социальный характер знания проявляется там, где нужно принимать решения о том, что является некорректными формами знания, которые не детерминируются «предметным миром». Последний может при этом свидетельствовать об истинности тех форм знания, которые исключаются этими решениями. При анализе претендующего на статус знания утверждения следует допускать допустить возможность существования разных наблюдателей, в перспективе которых одно и то же суждение может оказаться как корректной, так и некорректной формой знания.

Это означает, что собственно эпистемологические проблемы получают очевидное социальное измерение, а значит, эпистемология становится социальной. Вне своего социального статуса знание не имеет определения, следовательно, свою предметность эпистемология обретает только будучи социальной.

Фундаментальные типы знания: практическое и рефлексивное (пропозициональное). Предположим, что первый тип может быть редуцирован ко второму, хотя пропозиции при этом могут оставаться неявными (невыведенными). Например, можно знать, как следует плавать, но не выражать это знание в артикулированных пропозициях. Но наблюдатель может сделать это «за знающего», т. е. описать в предложениях то, что сам знающий не сумел или не захотел сделать (при этом наблюдатель может и не уметь плавать!). Это и есть пропозициональное знание, т.е. знание «наблюдателя за тем, кто фактически реализует это знание».

Анализ пропозиционального знания, осуществленный логиками-аналитиками (Фреге, Витгенштейн), приводит к выводу, что оно является знанием не эмпирического, а трансцендентального субъекта. На этом стоит «антипсихологизм». Но проблема знания состоит именно в том, как конкретное, наличествующее у индивида, представление о чем-либо соотносится с фактически существующей истиной. Пропозициональный подход к знанию эту проблему разрешить не может, ссылаясь лишь на метафизическое соотнесение знания с внешним (референциальным) миром. К тому же пропозиции не могут транслироваться в коммуникации без утраты существенного для их понимания контекста. Коммуницируется же зачастую именно контекст, составляющий главную часть содержания и даже цель коммуникации.

Стандартные определения знания (через обоснованность, истинность и убежденность) сталкиваются с трудностями логического и методологического планов (нельзя получить общее определение для вероятностного и достоверного знания, дурная бесконечность из-за того, что каждый из признаков знания должен быть признан знанием, невозможность охвата пропозициональным подходом всех форм знания). Диссертант заключает+, что различение действительной ситуации (некто высказывает нечто о факте, реально имеющем место) и возможной ситуации (некто высказывает то же самое, но факта нет) способен сделать только «наблюдатель 2-го порядка». Социально-коммуникативные характеристики

наблюдателя определяют его когнитивные стандарты и принятие высказываний в качестве знания. И это означает, что обладание знанием в одной наблюдательной перспективе, может оцениваться как отсутствие знания в другой наблюдательной перспективе.

Эти перспективы могут быть индивидуально- и системно-коммуникативными. Знание в одной перспективе может расцениваться как незнание в другой (знание о том, что вода – есть жидкое вещество, есть незнание с точки зрения научных представлений о воде как химическом соединении). В какой перспективе знание может считать подлинным или, иначе, какой контекст знания является наиболее значимым для его статуса?

Ответ на такой вопрос предполагает, что когнитивные процессы должны быть нормативно ограничены. В науке это, как правило, нормы, устанавливаемые экспертизой. В современной науке экспертные оценки и нормирование принятий решений осуществляются не только учеными, но и неспециалистами. Однако неверно сводить оценки знания только к нормативам публичного и политического контроля, поскольку в науке преобладают когнитивные установки и ожидания. В акторно-сетевой теории стабилизаторами оценок знания выступают не только конвенции или мнения авторитетов, но и отношения знания к реальным объектам, что предохраняет его от парадоксов релятивизма.

Анализ научного знания должен быть предварен анализом установок, обеспечивающих процесс естественного понимания, включая средства убеждения и подтверждения в коммуникациях. Чтобы такой анализ был успешным, необходимо выявить общую структуру коммуникативных стратегий, направленных на понимание, которым должен завершаться акт коммуникации. Такая структура существует и именно она обеспечивает обоснование научного знания, исходя не только из объективности предметных описаний и наблюдений, но также из свойств общения ученых. Это общение (другими словами, наблюдение 2-го порядка) доступно научному анализу не в меньшей степени, чем объекты научного исследования.

Научные идеи, для того, чтобы они были оценены как знание, должны стать понятными и приемлемыми в научном сообществе. Процессы, в которых понятность и приемлемость достигаются, являются предметом интереса социальной эпистемологии. Понимание предполагает возможность и умение различать в данной информации то, что выражено в ней явно, и то, что нужно извлечь из контекста (например, особенности личности, от которой поступает сообщение, конкретика ситуации, пространственно-временные координаты сообщения и пр.). Если умение есть и возможность реализована, понимание достигается через сравнение фактического и латентного на предмет их соответствия или несоответствия друг другу.

Понимание в научных коммуникациях детерминировано двояко: предметным содержанием и свойствами самой коммуникации. Например, выбор научной теории зависит от наблюдательных перспектив, которые

могут быть различными, чем обусловлено взаимное непонимание. Преодоление непонимания возможно на почве теорий среднего уровня (формулирующих эмпирические законы), относительно устойчивых в процессах научной эволюции.

Решая вопрос о том, способна ли социальная теория на формирование тех же инвариантов (универсальных форм) знания, что и естественнонаучная теория, диссертант устанавливает, что в естествознании теоретическое описание внутренней структуры объекта конституирует причинное объяснение наблюдаемым явлениям, с этим объектом связанные, тогда как в социальной теории причинные утверждения связываются с некоторыми макроструктурами (политика, экономика и др.). Поэтому общество как «пространственно-временной объект» ускользает от наблюдения, а его исследование возможно только через наблюдение и теоретическую интерпретацию его следствий или вызываемых им эффектов. Однако это различие уравнивается сходством: в мире самом по себе нет строгого разделения на внутренние (естествознание) и внешние (социальная наука) детерминации, не учитывающего наблюдательные перспективы наблюдателей. Поэтому наука, если она устанавливает закономерности исследуемой области явлений, исходит не из «самих по себе» причинных зависимостей, а из того, как эти причины получают типичное распределение. Последнее же определимо только с учетом социально-культурного контекста, который и является предметом исследования социальной эпистемологии.

В этой связи получает социально-эпистемологический смысл утверждение о том, что общество не может рассматриваться по аналогии с физической системой с однонаправленной детерминацией (от причины – к следствию); оно устроено как особая кибернетическая система с позитивной и негативной обратными связями.

Социальная теория для своего эффективного функционирования должна использовать системно-коммуникационный подход к формулированию социальных законов. Исследуя социальную реальность на уровне явлений, социальная теория постулирует теоретическую реальность, где фигурирует скрытое от наблюдателей человеческое сознание с его гипотетическими установками и мотивациями. Все фактически наблюдаемые коммуникации современного общества могут быть реконструированы комбинациями основных переменных оппозиций «Я-Другой» и «переживание-действие».

Переходя к общей оценке диссертации, отмечу следующее. Диссертация является плодом многолетних исследований, которые уже стали известными философско-научному сообществу и определили научное реноме автора. Она впечатляет обилием информации, широтой исследовательского диапазона, но главное – вниманием к актуальным и дискуссионным

проблемам в одной из сравнительно молодых, но быстро прогрессирующих сфер философского знания. Диссертант известен также как переводчик и комментатор внушительного числа иноязычных трудов по социологии и философии, которые оказали большое влияние на состояние современных отечественных исследований. Эти обстоятельства во многом определили и характер диссертации.

Главная мысль ее вызывает дискуссии. Речь идет о социально-эпистемологическом понимании того, что является знанием (в том числе – научным знанием), каковы его критерии, специфика, условия возникновения и функционирования. Будучи сторонником идеи о социальном характере знания, диссертант приводит эту мысль к далеким последствиям. Прежде всего – к тому, что знание определяется не прямым сопоставлением со своим предметом, а характеристиками контекста, в котором это знание рождается и оценивается, работает и отвергается.

На мой взгляд, эта мысль плодотворна и станет определяющей в перспективе дальнейшего развития эпистемологии и методологии науки.

Поэтому можно сказать, что А. Ю. Антоновский прокладывает новый путь в этой сфере философских исследований. Это и есть главный итог его диссертационного исследования.

Но путь не будет легким. По сути, он требует достаточно решительного переосмысления основных понятий теории познания, методологии философского исследования, принципов связи между философией и эпистемологией, с одной стороны, и специальными науками о познавательных процессах (в первую очередь – социологии), с другой. Это также требует определения принципов междисциплинарного исследования в этой области.

Мне кажется наиболее дискуссионными в диссертации такие ее положения, как изоморфизм структуры коммуникации структуре познавательного процесса в целом. Рассматривая «парадокс», связанный с амбивалентностью коммуникации (чем больше люди знают друг о друге, тем сильнее тенденция к дезинтеграции данного общества), я полагаю, что он следует из допущения о том, что устойчивая и постоянно возобновляемая интеграция общества зиждется на поддержании информационной коммуникации. Такое допущение имеет право быть, но не является самоочевидным. Поскольку на нем стоит различие архаической и современной коммуникации (в последней постоянно сохраняющаяся «тайна» Другого является побудителем коммуникации), я бы сказал, что и это различие является дискуссионным и требует дополнительных аргументов.

Отмечу недостатки работы. Прежде всего, это чрезмерно усложненный (часто без надобности) язык, перенасыщенный калькированными терминами иноязычных исследований. Читать текст диссертации – головоломная работа. Автор безжалостен к читателю, заставляя его разгадывать словесные ребусы, хотя это не вызывается уважительными причинами.

Работа недостаточно отредактирована. То и дело встречаются несогласования грамматических форм, выводы, артикулированные после каждого параграфа, допускают разночтения. Есть повторы. Отмечу также диспропорции: некоторые фрагменты растянуты и производят впечатление встроенных в текст частей из каких-то других работ автора. Есть стилистические погрешности. Я уже не говорю об опечатках и пропусках.

Недостаток я усматриваю также и в том, что содержание первой главы не слишком ясно перекликается со второй главой. Создается впечатление, что проблема построения общей эпистемологической теории коммуникации часто «исчезает из кадра» и заслоняется другими, более специальными вопросами и их решениями.

Есть претензии к автореферату, также в основном связанные с его языком. Излагая краткое содержание диссертации, автор большей частью воспроизводит выводы, сформулированные в конце параграфов диссертации. Но если в тексте диссертации эти выводы связаны с аргументацией в этих параграфах, то в автореферате они читаются как криптограммы.

Указанные недостатки не отменяют моих предшествующих оценок. Диссертационное исследование Александра Юрьевича Антоновского имеет несомненную научно-практическую ценность. Помимо того, что ее результаты могут и должны быть использованы в учебных курсах по социальной эпистемологии и теории коммуникации, в соответствии с программами бакалавриата и магистратуры философских факультетов, а также для аспирантов, специализирующихся в соответствующих областях философского знания, они найдут применение и в конкретных исследованиях коммуникационных процессов в современном обществе (особенно в политике, экономике, в управлении и др.).

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в научных изданиях, в том числе в рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Считаю, что диссертация Александра Юрьевича Антоновского «Коммуникация как эпистемологическая проблема: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания» полностью соответствует критериям и требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (пункты 9, 10, 11, 12, 13, 14), утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, которые можно квалифицировать как крупное научное достижение в области онтологии и теории познания. Автор диссертации Александр Юрьевич Антоновский заслуживает присуждения ученой степени доктора наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Руководитель школы философии факультета гуманитарных наук ГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский университет - Высшая школа
экономики», доктор философских наук, профессор, почетный работник науки
и техники РФ Порус В.Н.

05.06.2016

Место работы оппонента:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

телефон: +7 (495) 772-95-90

эл. почта: vnporus@hse.ru, vporus@rambler.ru.